

ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ.

У 272 ВЫПУСКЪ 10-й. Сб.
975

ВОЙНА СЪ ТЕКИНЦАМИ.

Очеркъ Константина Абазы.

Съ 3-мя рисунками.

1888 г.

„ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ“

ВЫХОДИТЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

Подъ редакціей Енатирины Сысоевой и Алексѣя Альмедингена.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

52 выпуска съ дост. и перес. 3 р., безъ дост. 2 р.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „РОДНИКО“

ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ.

1888 г.

ВЫПУСКЪ 10-й.

Годъ I.

272

975

ВОЙНА СЪ ТЕКИНЦАМИ.

У нынѣшнихъ турокъ есть за Каспіемъ бѣдные родичи, которыхъ зовутъ туркменами. Между турками и туркменами большая разница: турки народъ мирный и добрый; туркмены — разбойники; турки давно уже живутъ, какъ народъ осѣдлый; туркмены переходятъ съ мѣста на мѣсто (кочуютъ), укрываясь отъ зноя и дождя въ своихъ кибиткахъ — такъ называются круглыя войлочные палатки нашихъ кочевниковъ.

Лѣтъ 400 тому назадъ туркамъ посчастливилось занять богатѣйшія земли греческихъ царей; туркмены же остались при той же, Богомъ обиженной, пустынѣ. И тянется эта пустыня верстъ на 600 въ длину, съ запада на востокъ, да почти столько же въ ширину — гдѣ немного шире, гдѣ уже. Почва тамъ больше песчаная, на которой растетъ чахлое деревцо, подъ названіемъ саксаулъ и трава гребенщикъ. Если же не песокъ, то — глина: твердая гладкая, какъ будто нарочно набитая и укатанная. Ранней весной она покрывается густою травкой, но уже въ маѣ эта трава такъ усыхаетъ, что ломается вѣтромъ и перегоняется съ мѣста на мѣсто, пока не изотрется въ пыль. Воды тамъ мало; лишь изрѣдка попадаются колодцы, и то очень глубокіе; маленькія степныя рѣчки, вытекающія изъ горъ Копетъ-дагъ, рано пересыхаютъ. Даже волковъ нѣтъ. Сайгаки и дикіе ослы попадаютъ только близъ морскихъ береговъ, да у русла тѣхъ же пересохшихъ рѣчекъ. Главное богатство туркмена — его лошадь. Онъ ее кормитъ, холитъ, наѣзжаетъ и пріучаетъ переносить трудности

дальнихъ походовъ. Въ такую ужасную пору, когда солнце прожигаетъ насквозь, туркменьъ укутываетъ свою лошадь въ войлочные одѣяла, отчего она не теряетъ того поджараго вида, какимъ отличаются англійскіе скакуны, сохраняетъ легкость и быстроту бѣга. Туркменская лошадь способна нестись нѣсколько дней, пробѣгая по 100 верстъ въ сутки, причемъ, кромѣ всадника, везетъ на спинѣ запасъ джугары (проса), а для хозяина — его провизію. Табуновъ туркмены не держатъ: у каждаго мало-мальски зажиточнаго хозяина 3—4 лошади, которыхъ онъ держитъ на привязи недалеко отъ кибитки. Свой домашній скарбъ, кибитки, а также свои семьи туркмены перевозятъ на одnogорбыхъ верблюдахъ или »нарахъ«, но попадаютъ и двугорбые. Безъ помощи этого вѣрнаго товарища или »корабля пустыни«, какъ его называли арабы, человѣкъ не могъ бы жить въ такой пустынѣ. Впрочемъ, нужно сказать, что въ туркменскихъ степяхъ есть уголки, покрытые зеленью, деревцами, орошаемые особыми нарочито прокопанными канавками. Таковъ, на примѣръ, Ахаль-текинскій оазисъ, верстъ за 350 отъ моря, гдѣ, благодаря обилію воды, дѣлаются даже посѣвы клевера, проса, пшеницы и кукурузы, гдѣ въ изобиліи растутъ арбузы, дыни. Жители этого уголка болѣе осѣдлы, чѣмъ ихъ собратья, остальные туркмены.

Въ селеніяхъ текинцевъ — такъ ихъ называютъ — попадаютъ глиняныя постройки; для обороны устроены крѣпости, также изъ глины. Главное ихъ поселеніе называется »Денгиль-тепе«, что означаетъ по-русски »Памятный холмъ«. Въ серединѣ крѣпости насыпанъ высокій курганъ, а чѣмъ онъ памятенъ — сами текинцы не вѣдаютъ. Говорятъ, будто здѣсь было разбито персидское войско.

Ближайшіе сосѣди туркменъ — персіяне, бухарцы и хивинцы, не въ мѣру трусливы, что всегда придавало большую смѣлость набѣгамъ туркменъ. Имъ случалось дѣлать набѣги за тысячу верстъ отъ своихъ поселеній. Вообще, туркмены отличные наѣзники, хорошіе рубаки; ихъ кони легки, выносливы, и догнать разбойничью

Туркмены на кочевьѣ.

шайку такъ же трудно, какъ вътеръ пустыни. Туркменъ рожденъ для грабежа, который его обогащаетъ, который можетъ прославить его имя. Особенно жадны на добычу текинцы — это самое разбойничье, но и самое богатое племя. Въ грабежахъ туркменъ жестокъ, безсердеченъ: зарѣзать челоуѣка ему ни по чемъ — все равно, что курицу или барана. »Туркменъ на лошади«, говоритъ пословица, »не знаетъ ни отца, ни матери«, или: »если врагъ твой нападетъ на кибитку твоего отца, пристань къ нему и грабь вмѣстѣ«. Можно судить по этимъ мудрымъ изреченіямъ, на что способенъ туркменъ, сѣвшій на лошадь. И близкіе, и дальніе набѣги они всегда дѣлаютъ конные. Приготовленія къ набѣгу у нихъ очень просты. Прослышитъ кто-нибудь изъ »батырей« (богатырей), что вблизи проходитъ торговый караванъ, или же задумаетъ сдѣлать болѣе дальнюю прогулку — въ Хиву, не то на персидскую границу — и выставить у своей кибитки длинную пикку, съ навѣшенной тряпкой вмѣсто флажера. Ни ханъ, ни кто другой не можетъ это запретить, потому что ихъ ханы не имѣютъ никакой власти. Тогда всякій желающій принять участіе въ набѣгѣ втыкаетъ рядомъ съ пикой батыря свою пикку, и когда ихъ наберется достаточно, объявляется мѣсто сбора, а также время выступленія. Туркмены очень дорожатъ тѣми изъ батырей, которые прославились удалью набѣговъ; эти вожаки хорошо знаютъ пустыню, расположеніе колодцевъ, умѣютъ скрытно подвести свою партію, лихо наскочить на безпечнаго противника, а въ случаѣ неудачи исчезнуть безъ слѣда въ пустынь, безбрежной, какъ море. Во время набѣга всѣ участники добровольно подчиняются начальнику партіи, но по возвращеніи домой онъ, получивши свою долю добычи, становится простымъ туркменомъ. Жены у туркменъ полныя хозяйки у себя въ домѣ; онѣ очень работающіе. Тѣ, которыя имѣютъ много дѣтей, пользуются большимъ уваженіемъ, что можно объяснить обычаемъ туркменъ не держать болѣе одной жены, какъ это водится у прочихъ мусульманъ. Зато же туркменки мало въ чемъ уступаютъ мужьямъ: онѣ такъ же жестоки, храбры и даже мужественны. Однажды

персидскій губернаторъ захватилъ въ плѣнъ знатнаго туркмена, по имени Шаваль-хана и приказалъ его разстрѣлять. Это было лѣтъ 20 назадъ. Въ слѣдующую затымъ зиму туркмены сдѣлали набѣгъ на персидскую границу, при чемъ разграбили богатую деревню, многихъ ея жителей перерѣзали, а помѣщикъего сына увлекли съ собою, въ надеждѣ получить за него хорошій выкупъ. Узнала объ этомъ жена Шаваль-хана, явилась къ батырю, который водилъ партію, и потребовала, чтобы тотъ отдалъ ей знатнаго плѣнника. Батырь не согласился, и вдова пошла къ хану.

— Почему ты, женщина, считаешь плѣнника своимъ рабомъ? спросилъ у нея ханъ.

Вдова отвѣчала: »онъ персіанинъ. Моего мужа разстрѣляли персіане, и я хочу отомстить за его смерть«.

— Женщина, ты права, сказалъ ханъ: — возьми персіанина.

Туркменка вырѣзала собственноручно у живого плѣнника сердце, а трупъ бросила собакамъ.

Во время перваго штурма текинской крѣпости Денгиль-тепе, около десятка нашихъ конныхъ дагестанцевъ окружили текинку, которая вела въ поводу верблюда, нагруженнаго ея имуществомъ. Завидя это, къ ней подъѣхалъ офицеръ и сказалъ по-татарски:

— Ты не бойся, иди своей дорогой, эти люди не сдѣлаютъ тебѣ ничего худаго. — Текинка, приподнявъ голову, гордо спросила: »чего мнѣ бояться? Я и не боюсь ихъ!« и продолжала свой путь. Другая текинка сидѣла во время штурма на краю канавы, съ оторванной ногой, и палила изъ пистолета въ проходившихъ мимо драгунъ.

О силѣ и отвагѣ туркменъ можно судить по тому, что однажды они разбили персидскую армію въ 10 тысячъ человѣкъ, при чемъ захватили 33 пушки. Во время хивинскаго похода туркмены встрѣчали и провожали русскіе отряды, неотвязчиво преслѣдуя ихъ днемъ и ночью. Персіане, послѣ ряда неудачъ, покинули надежду когда-нибудь унять этихъ разбойниковъ.

Русскіе, занявши восточное побережье Каспійскаго моря, прежде всего принялись за ближайшія кочевья.

Съ ними сладили безъ труда, но текинцы, какъ болѣе дальніе, считали себя неприступными; они точно насмѣхались надъ силою русскихъ. Наши плѣнные не переводились: то схватятъ солдата, то поймаютъ на берегу рыболова. Текинцы угоняли скотъ, верблюдовъ, нападали на мирныхъ туркменъ.. Болѣе всего казалось постыднымъ выкупать своихъ плѣнныхъ, а если ихъ во время не выкупить, то текинцы обращались съ ними самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, особенно съ тѣми, которые пытались бѣжать. Вотъ что рассказывалъ побывавшій въ плѣну русскій солдатъ Цивашевъ:

— 7 октября 1878 года я съ шестью товарищами отправились на трехъ верблюдахъ, безъ ружей, за сѣномъ. Это было рано утромъ. Только что мы начали рвать траву, какъ изъ-за бугра выскочили пять доброконныхъ туркменъ, съ ружьями и шашками. Мы пустились бѣжать, но туркмены скоро насъ догнали, сбили въ кучу и погнали въ горы. Мы не шли, а бѣжали; кто отставалъ, того били нагайками. Канониръ Макаровъ скоро совсѣмъ присталъ. Тогда одинъ изъ туркменъ снесъ ему шашкой голову, затѣмъ слѣзъ съ коня, стащилъ съ Макарова сапоги да еще раза три пырнулъ его ножомъ. Такимъ манеромъ гнали насъ до самаго вечера, пока не остановились у какой-то рѣчки напоить лошадей. Отсюда погнали дальше, на всю ночь, какъ есть до разсвѣта. Опять остановились у рѣчки, напекли въ золѣ лепешекъ и, проглотивши ихъ, тронулись дальше. Когда солнце поднималось на обѣдъ, мы уже вступали въ аулъ Кара-кала, гдѣ пробыли цѣлыя сутки. На другой день, отойдя отъ аула съ версту, туркмены остановились, заставили насъ раздѣться и разобрали нашу одежду: мы остались въ одномъ бѣльѣ, безъ сапогъ. Послѣ этого подѣлили насъ между собой; меня съ Петинимъ два туркмена погнали влѣво; остальныхъ товарищей погнали вправо. Больше мы съ ними не видѣлись.

Мы то поднимались въ горы, то спускались внизъ; то бѣжали по каменистому грунту или же вязли въ песокъ. У меня и Петина ноги распухли, покрылись ранами. Видно, нашихъ хозяевъ взяла жалость, потому что

они перестали стегать насъ нагайками. Почти въ такую же пору, какъ и третьяго дня, мы подошли къ какой-то ихней крѣпости. Сейчасъ собрался народъ, окружили насъ, стали раздѣвать, бить, толкать, плевали въ глаза или кидали навозомъ въ лицо. И эти надругательства не прекращались до самой ночи. Потомъ насъ съ Петинымъ развели по разнымъ кибиткамъ: онъ пошелъ къ своему хозяину, а я къ своему. Мой хозяинъ сейчасъ же заковалъ меня въ желѣзныя путы, каждое въ 15 или 20 фунтовъ вѣсу, и приказалъ ложиться спать. Его звали Куль-Ильды. Онъ былъ очень бѣдный чело-вѣкъ: ничего не имѣлъ кромѣ кибитки и коня; жена у него была лѣтъ 25-ти, собой некрасивая, а дѣтей двое — мальчикъ да дѣвочка. На другой же день меня послали собирать на топливо колючку и носить воду. Ходить приходилось босикомъ; голову обрили, дали какую-то шапку да трепаный халатъ. И Петина такъ же вырядили. Недѣли черезъ двѣ пришли къ моему хозяину старики, что-то переговаривали между собой, потомъ пристали ко мнѣ, чтобъ я перемѣнилъ свою вѣру. Тогда я отвѣтилъ: »хоть вы зарѣжьте меня, но вѣры не пере-мѣню. А нужно вамъ сказать, что еще когда насъ разлучали, мы дали другъ дружкѣ клятву держаться своей вѣры. Послѣ моего отказа текинцы стали меня бить, хотѣли даже зарѣзать, и зарѣзали бы, еслибъ хозяинъ не заступился: не допустилъ. Съ Петинымъ было то же самое, и онъ отстоялъ свою вѣру. Текинцы не позволяли намъ громко молиться или творить крестное знаменіе, такъ что мы все время молились »нишкомъ« (про себя). Кормили, можно сказать, въ проголодь: больше лепешками; разъ въ недѣлю давали баранину съ рисомъ. Одно утѣшеніе имѣлъ, повидаться съ товарищемъ, отвести съ нимъ душу. Этого не запрещали; ходить по аулу мы могли, когда вздумается.

Мѣсяца черезъ три нашъ аулъ перекочевалъ въ пески верстъ за 40 отъ прежней стоянки. Во время пути мнѣ скрутили назадъ руки. Какъ только пришли на мѣсто, я узналъ, что Петинъ убѣждалъ отъ своего хозяина. Весь аулъ поднялся на ноги, проѣздили всю ночь, а

утромъ его нашли подъ кустомъ, въ ямѣ. Избивши немилосердно, Петина привели назадъ, послѣ чего заковали въ тройныя кандалы, на-глухо. Еще хорошо, что онъ догадался унести съ собой свои путы; брось онъ ихъ гдѣ-нибудь по дорогѣ, его бы убили. На другой день я навѣстилъ Петина: ихъ кибитка стояла верстахъ въ двухъ отъ нашей. Поговорили, помолились вмѣстѣ, я его утѣшалъ, совѣтовалъ надѣяться на помощь Божию. Петинъ признался мнѣ, что хотѣлъ украсть у хозяина лошадь, да не могъ, потому что лошади у нихъ всегда прикованы на ночь: ну, а пѣшій далеко ли уйдешь? — Такъ какъ на новой стоянкѣ вода была далеко, верстъ десять, то мнѣ оставалась одна работа — собирать топливо. Хозяинъ мой сталъ ко мнѣ, какъ будто, добрѣе: »живи у насъ, говаривалъ, прійми нашу вѣру«... Какъ тутъ прошелъ радостный слухъ, что насъ хотятъ откупить. А скоро слухъ сталъ сбываться. Пріѣхалъ въ нашъ аулъ Тыкма-сардаръ, должно быть, выкупилъ меня у хозяина и повезъ съ собою. У него я встрѣтился съ канониромъ Пантюшинымъ, тоже, значить, выкупили. Сейчасъ меня расковали; работы не давали никакой, развѣ нарубишь дровъ или напоишь верблюдовъ; кормили же вволю: верблюжье молоко, баранина, лепешки, кукуруза... Такъ проболтались мы недѣли три, пока шли переговоры, какимъ путемъ насъ отправить. Наконецъ, Тыкма-сардаръ вырядилъ насъ со своимъ сыномъ въ другое, дальнее кочевье; сюда выѣхалъ на встрѣчу туркменъ, высланный начальствомъ. Онъ привезъ намъ шинели, сапоги, рубахи, штаны, чаю, сахару — все это прислалъ нашъ добрый командиръ, полковникъ Гаитиновъ. Послѣ трехъ дней похода мы прибыли въ Чать, гдѣ на встрѣчу намъ вышелъ весь лагерь... И радость же была великая!»

Судьба Петина и его товарищей была много лучше, чѣмъ другихъ плѣнниковъ: иныхъ перепродавали изъ кибитки въ кибитку, пока не зачахнетъ бѣдняга; другихъ приневоливали принять магометанскую вѣру или же убивали за попытку къ бѣгству. Никакая великая держава не могла потерпѣть такого безчинства; къ тому же и персіяне умоляли Государя Императора унять те-

кинцевъ... По Его повелѣнію небольшой русскій отрядъ двинулся въ 1879 году въ Ахаль-текинскій оазисъ, подъ начальствомъ храбраго кавказскаго генерала Лазарева. Однако, этотъ походъ не удался: пошли съ малой силой, думали, что съ текинцами такъ же легко справиться, какъ и съ обыкновенными »халатниками«. — Такъ наши привыкли называть жителей срединной Азіи. — Во время перехода черезъ пустыню много верблюдовъ передохло отъ изнуренія, солдаты стали болѣть, самъ Лазаревъ умеръ... Все-таки отрядецъ бодро шелъ впередъ и, приблизившись къ главной текинской крѣпости, кинулся на штурмъ. Текинцы отбились: ихъ было, по меньшей мѣрѣ, тысячъ десять, а нашихъ всего три. Это все бы ничего, но защитники оказались не простыми »халатниками«, а храбрыми бойцами, готовыми умереть за свою свободу. »Текинецъ«, говоритъ ихъ пословица, »не любитъ тѣни дерева, не терпитъ покровъ власти«... Стоить только припомнить два случая съ текинками, о которыхъ рассказано раньше. Нашъ отрядъ тотчасъ же двинулся въ обратный путь, причемъ отступалъ въ такомъ порядкѣ, такъ грозно, что текинцы не посмѣли его преслѣдовать. Тутъ и текинцы могли видѣть, что имѣютъ дѣло не съ персіянами: тѣ разбѣжались бы, какъ овцы.

На слѣдующій годъ былъ составленъ новый отрядъ, гораздо болѣе сильный, начальство надъ которымъ Государь Императоръ поручилъ Скобелеву. Уже самое назначеніе Скобелева показывало, что на текинцевъ стали смотрѣть иначе, чѣмъ прежде: въ нихъ стали видѣть врага, съ которымъ не стыдно помѣриться силами. Скобелевъ повелъ дѣло иначе. Онъ заранѣе подготовилъ запасы продовольствія, фуража (сѣно, овесъ), боевые припасы (патроны для ружей, снаряды для пушекъ, пороховъ), инструменты для копанія земли; приказалъ согнать побольше верблюдовъ и, прежде чѣмъ приступить къ главному гнѣзду текинцевъ, занялъ на половинѣ пути небольшую покинутую непріателемъ крѣпостцу. Она должна была служить, что называется, опорнымъ пунктомъ, гдѣ можно сложить запасы, держать больныхъ, куда

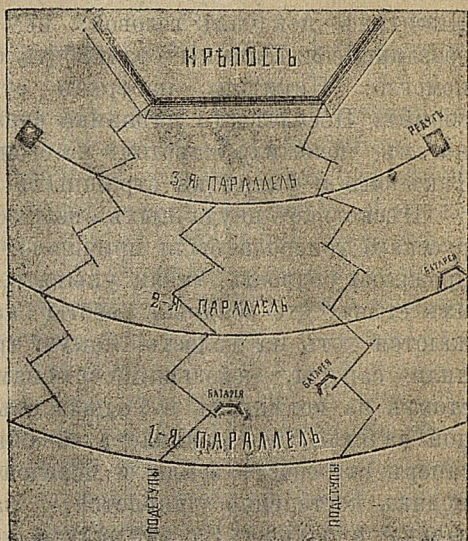
можно укрыться въ случаѣ неудачи. Опять же, приблизившись къ Денгиль-тепе, Скобелевъ не сразу пошелъ штурмовать эту крѣпость, а началъ правильную осаду, т. е. сталъ приближаться къ ней издали, при помощи траншей. Траншеями въ осадной войнѣ называютъ рвы съ насыпями, обращенными къ сторонѣ непріятеля; онѣ прикрываютъ людей отъ выстрѣловъ съ крѣпости. Хотя осада крѣпости и тяжела, и медленна, зато болѣе надежна чѣмъ атака съ мѣста, особенно, когда имѣешь дѣло съ храбрымъ и многочисленнымъ гарнизономъ. Послѣ оказалось, что въ крѣпости собрался весь текинскій народъ, до 40 тысячъ бойцовъ, — сила внушительная. У насъ было почти вчетверо меньше, но имѣлось въ виду, что текинцы не искусны въ военномъ дѣлѣ: это тоже много значить...

Сажень за 350 отъ крѣпости наши вырыли одну длинную траншею, съ загибами внутрь, похожую на такое положеніе, когда человѣкъ, завидя друга-пріятеля, вытянетъ свои руки, чтобы его обнять. Такія длинныя траншеи, обнимающія крѣпость съ какой-нибудь стороны, называютъ параллелями. Отъ самой дальней, или 1-й параллели повели короткія колѣнчатыя траншеи, направляя ихъ прямо на крѣпость, потомъ ихъ соединили второю параллелью, а сажень за сто отъ крѣпости выкопали послѣднюю, 3-ю параллель. Этимъ способомъ какъ бы сжимали крѣпость, приближаясь къ ней все больше и больше. Какъ и во всякой осадной войнѣ, земляной работы было здѣсь много: кромѣ траншей, приходилось копать по концамъ редуты и въ разныхъ мѣстахъ батареи. Редутами называютъ высокія четырехъ-угольныя насыпки, окруженныя рвомъ, въ родѣ маленькихъ крѣпостей, въ которыхъ помѣщаются отряды для охраны рабочихъ. Батареями же называютъ небольшія присыпки, необходимыя для того, чтобы скрытно поставить пушки. — (Смотри примѣрный чертежъ осадныхъ работъ).

Чѣмъ ближе наши подвигались къ крѣпости, тѣмъ отчаяннѣе защищались текинцы. Особенно страшны были ихъ вылазки. Текинцы крадутся, какъ кошки, всегда ночью, быстро, но тихо, а бросаются, точно тигры, сразу.

Идутъ они больше босые, рукава засучены, халаты подобраны, въ рукахъ шашки; у кого нѣтъ шашки — пика или русскій штыкъ; ружей на вылазки не брали. Обыкновенно впереди идутъ самые отчаянные, настоящіе бойцы. Подберутся къ траншеѣ, крикнуть: »Алла! Магома!« и въ тотъ же мигъ пускаютъ въ ходъ шашки. Бѣда зазѣваться! За передовыми бойцами идетъ команда въ родѣ нашихъ санитаръ, обязанность которыхъ — уносить раненыхъ, подбирать убитыхъ. Сзади же всѣхъ крадутся, такъ называемые,

аламанщики, или грабители. Въ аламанщики берутъ мальчишекъ лѣтъ 14—15, и грабятъ они ловко: въ нѣсколько минутъ успѣютъ обшарить всю траншею: подберутъ оружіе, раздѣнутъ убитыхъ. Наши, пока не знали текинскихъ сноровокъ, много терпѣли на вылазкахъ. Въ одну ночь текинцы вырѣзали цѣлый батальонъ солдатъ,

Примѣрный чертежъ осадныхъ работъ.

взяли знамя, пушку, много ружей. Впрочемъ, послѣ этого случая, имъ не было уже такой удачи. Да и Скобелевъ имѣлъ свои сноровки. Онъ былъ изъ тѣхъ военачальниковъ, которые сами наступаютъ, а не ждутъ непріятеля къ себѣ, почему на каждую вылазку отвѣчалъ или штурмомъ ближайшихъ къ крѣпости построекъ, или же усиленной пальбой по крѣпости. Ни одна изъ вылазокъ не оставалась безъ наказанія. На третій день Рождества текинцы повторили нападеніе. Въ серединѣ траншеи и на правомъ ея флангѣ (концѣ) они

были скоро отбиты, потому что тутъ ихъ ожидали, но на лѣвомъ флангѣ текинцы изрубили карауль, потѣмъ бросились на пушку. Артиллеристы были перебиты, кромѣ одного, Агафона Никитина, котораго, вмѣстѣ съ пушкой, потащили въ крѣпость. Ужасно текинцы обрадовались, что имъ удалось захватить живьемъ »топчи-башу«, артиллериста, значить. Они думали, что онъ выучить ихъ стрѣлять изъ пушекъ. Весь текинскій народъ собрался смотрѣть на плѣнника. Подали ему гранату и показываютъ на пушку: какъ моль, ее, заряжать? Агафонъ Никитинъ покачалъ головой: не могу, значить. Тогда обозлившіеся текинцы стали бить его плетьюми, и это не помогло: Никитинъ наотрѣзъ отказался стрѣлять по своимъ. Несчастнаго плѣнника связали по рукамъ, по ногамъ, положили животомъ на огонь и снова стали бить... Такъ онъ и умеръ въ страшныхъ мукахъ.

Нѣсколько неудачныхъ вылазокъ и настойчивость русскаго генерала были причиною, что текинцы потеряли прежнюю бодрость, стали унывать. Они видѣли со своихъ стѣнъ, что осадныя работы каждый день приближаются хоть на малость. Самую трудную работу исполняли саперы, небольшими смѣнами. Передній саперъ стоитъ на колѣнкахъ и подрываетъ передъ собой земляной валикъ. Онъ начинаетъ обваливаться. Тогда другой саперъ отгребаетъ землю и перебрасываетъ ее наверхъ. Ровикъ постепенно уширяется, а валикъ подвигается все дальше и дальше. За двѣ недѣли подвинулись на столько, что, выглянувши, можно было видѣть непріятельскій ровъ, слышать, какъ текинцы ругаютъ на стѣнѣ русскихъ. Имъ уже нельзя теперь стрѣлять, какъ, бывало, прежде, прикрываясь высокой стѣной, а надо высовываться крѣпко впередъ. Наши же стрѣлки только этого и ждутъ: сидятъ въ траншеѣ съ ружьями и смотрятъ въ оба. Кромѣ этихъ, обыкновенныхъ осадныхъ работъ, Скобелевъ приказалъ подвести подъ непріятельскую стѣну мину. Шагахъ въ 80-ти выбрали площадку и начали копать подземную галерею. У самаго входа была поставлена машина, которая при помощи длиннаго кожанаго рукава вгоняла въ галерею чистый воздухъ. Особые рабочіе безостановочно

вертѣли рукоятку колеса: машина гудитъ, колеса визжатъ подъ сильными руками солдатъ. А въ галлерей темно и тѣсно, какъ въ могилѣ; можно двигаться только на четверенькахъ; въ концѣ галлерей свѣтитъ огонекъ: тамъ работаютъ заступы, лопаты, стучатъ кирки. Вдоль всей галлерей сидятъ солдаты и передаютъ другъ другу мѣшки съ землей; послѣдній, который сидитъ у входа, выкидываетъ мѣшокъ наверхъ, а тамъ ужъ другіе его подхватятъ и ссыпятъ на валъ. Работа кипитъ: всѣ обливаются потомъ, духота страшная, свѣчи оплываютъ... Галлерей вели съ такимъ расчетомъ, чтобы ея конецъ пришелся подъ непріятельской стѣной, на двѣ сажени ниже.

Послѣ вылазки 4-го января много убитыхъ текинцевъ осталось между нашими передовыми траншеями и непріятельскимъ рвомъ. Трупы начали гнить, заражая воздухъ несноснымъ смрадомъ. Скобелевъ послалъ полковника Юмудскаго, родомъ туркмена, заключить перемиріе для уборки тѣлъ. У насъ выкинули бѣлый флагъ, штабъ-трубачъ заигралъ »отбой«; всѣ трубачи отряда тотчасъ подхватили этотъ сигналъ, и долго онъ наигрывался, пока не утихла пальба. Съ нашей стороны вышло для переговоровъ три человѣка и со стороны текинцевъ трое. Обѣ партіи усѣлись одна противъ другой, какъ разъ по срединѣ между рвомъ и нашимъ редутомъ. По обычаю азіятцевъ, спросили другъ друга о здоровьѣ, послѣ чего Юмудскій объявилъ, что генераль Скобелевъ, уважая храбрый текинскій народъ, согласенъ дать два часа на уборку тѣлъ. Въ отвѣтъ на эти слова, съ крѣпостной стѣны, гдѣ собралось множество народа, раздались крики: »намъ не надо ихъ! И такъ валяется въ крѣпости довольно этихъ собакъ!« Убитые были больше изъ сосѣднихъ кочевьевъ, жители которыхъ недавно покинули крѣпость, чѣмъ текинцы остались недовольны. Между тѣмъ, пока шли переговоры, народа на стѣнѣ все прибывало да прибывало. Въ высокихъ бараньихъ шапкахъ, въ разноцвѣтныхъ халатахъ текинцы выглядѣли ботатырями. Почти у cadaго въ рукахъ тяжелая кривая шашка изъ превосходной дамасской стали;

рукоятка пашки — роговая, ножны деревянные. Ружья у текинцевъ старинныя, больше кремневые, изъ которыхъ они стрѣляютъ не такъ, какъ наши, а съ подставки. И хорошо стрѣляютъ. Между толпами текинцевъ похаживалъ въ красномъ халатѣ, съ копьемъ въ рукѣ. Мурадъ-ханъ. Онъ громко покрикивалъ: »не смѣть стрѣлять по русскимъ. Кто выстрѣлитъ, тому смертная казнь!« — И съ нашей стороны толпы любопытныхъ покрыли все ближнія насыпи. Первый разъ послѣ трехъ недѣль осады враги смотрѣли добродушно одинъ на другого. Послышались шутки, веселые разговоры, зазыванье въ гости. Текинцы въ отвѣтъ улыбались и звали шапками къ себѣ въ крѣпость.

— Вы бы лучше бросили воевать, говорили наши, кто умѣлъ по-татарски: Бѣлый Царь силенъ! Вамъ нельзя съ нимъ бороться. Лучше сдайтесь: генераль помилуетъ. — Текинцы ничего не отвѣчали. Въ это время генераль Скобелевъ прошелъ траншеями къ переднимъ работамъ, откуда оставалось до рва не болѣе 30 шаговъ, и внимательно осмотрѣлъ стѣну. Съ нашей вышки успѣли зачертить планъ крѣпости и когда сдѣлали примѣрный разсчетъ, сколько она можетъ вмѣстить кибитокъ, вышло, что ихъ должно быть 15 тысячъ. По окончаніи уборки текинцы сказали Юмудскому: »ну, теперь ступай, да хранить тебя Аллахъ! Стрѣлять будемъ.« — Какъ только халаты текинцевъ скрылись за стѣной, было сдѣлано 3 выстрѣла на воздухъ, а потомъ пошла обычная пальба.

Подступы съ нашей стороны становились все ближе и грознѣе. Неустанная пальба изъ ближнихъ батарей приводила въ отчаяніе текинцевъ. Днемъ и ночью летѣли со свистомъ гранаты, поднимались крутою дугою бомбы — и все это лопалось среди крѣпости, распространяя кругомъ смерть множествомъ осколковъ. Много текинцевъ было убито, еще больше переранено, потому что по скученности народа ни одинъ снарядъ не пропадалъ даромъ. Повременамъ съ крѣпостныхъ стѣнъ, раздавались крики: »смотрите получше! Видите, урусъ роется, точно свинья. Это не къ добру: смотрите и слѣдите!« — Съ наступленіемъ ночи муллы и предводители обходили те-

кинцевъ, распаляя въ нихъ ненависть къ русскимъ: »не спите по ночамъ, не проводите время въ праздности, теперь надо драться!.. Бросимся же на гяуровъ, сомнемъ ихъ, отнимемъ пушки у этихъ собакъ... Великъ Аллахъ и Магометъ Его пророкъ: да будетъ благословенно наше оружіе!«

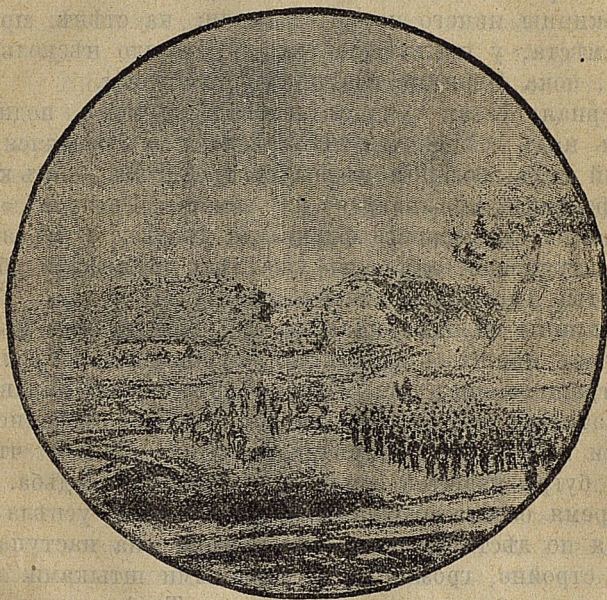
На третій день послѣ Крещенья открыли пальбу изъ особой батареи, которая должна была сдѣлать брешь, или проломъ въ стѣнѣ, чтобы удобнѣе подниматься штурмующимъ колоннамъ. Стѣна оказалась довольно толстой, до пяти сажень, частью изъ битой глины, частью изъ земли; черезъ два часа безостановочной пальбы глина стала обваливаться, засыпая крѣпостной ровъ, и скоро брешь обозначилась довольно широкимъ обваломъ. Не смотря на жестокій огонь, текинцы исправляли стѣну на нашихъ глазахъ. Вслѣдъ за гранатой то мелькнетъ допата, то опустится корзинка съ землей. Многіе изъ нихъ тогда поплатились за свою отвагу. Но больше всего Скобелевъ рассчитывалъ на дѣйствіе мины. Текинцы не имѣли понятія о подземной войнѣ и хотя догадывались, что русскіе идутъ подкопомъ, но думали, что мы этимъ путемъ хотимъ попасть въ крѣпость. Они съ нетерпѣніемъ ждали, что вотъ-вотъ гдѣ-нибудь покажется изъ земли голова уруса: они ее отсѣкутъ — и дѣлу шабашъ. — Главная галлерей оканчивалась подъ стѣной особой камерой (помѣщеніемъ) для закладки пороха. Теперь рабочіе, сидя въ галлерей, передавали, какъ прежде землю, мѣшки съ порохомъ. Когда втиснули 80 пудовъ, въ одинъ изъ мѣшковъ всунули горючій запаль, отъ котораго проложили вдоль галлерей двѣ проволоки. Послѣ всего »забили« камеру, т. е. заложили ее дерномъ, мѣшками съ землей, заставили щитами. Въ разныхъ мѣстахъ осадныхъ работъ были уже приготовлены лѣстницы, туры, или круглыя бездонныя плетенки, и сложены фашины, или пучки перевязаннаго хвороста. Всѣ эти приготовленія указывали на близость штурма. Войска ждали его съ нетерпѣніемъ: солдаты были утомлены трудными работами и караульной службой: днемъ роются въ землѣ, ночью ждутъ вылазки, — и такъ изо дня въ

день, болѣе трехъ недѣль. Скобелевъ назначилъ штурмъ на Татьянинъ день, 12-го января. Весь отрядъ былъ раздѣленъ на четыре части. Полковнику Куропаткину приказано овладѣть большимъ обваломъ, который сдѣлаетъ мина; полковнику Козелкову — идти на артиллерійскую брешь; подполковнику Гайдарову — наступать со своей колонной лѣвѣе осадныхъ работъ, чтобы привлечь на себя часть непріятельскихъ силъ и тѣмъ облегчить дѣйствіе остальныхъ колоннъ; наконецъ, запасныя части, или резервъ, генераль принялъ подъ свое начальство. — Наканунѣ шелъ небольшой дождикъ, и всѣ боялись, чтобы онъ не затянулся, иначе будетъ трудно взбираться на обвалы. Подъ этотъ дождикъ всѣ войска ахаль-текинскаго отряда построились къ молебну. Огонь съ крѣпости не утихалъ, но на него никто не обращалъ вниманія; солдаты горячо молились, чувствуя приближеніе той минуты, когда наступаетъ рѣшеніе: кому жить, кому помереть; одному вернуться со славой и честью на родину, другому сложить свои косточки въ безвѣстной чужбинѣ... Послѣ молебна генераль держалъ рѣчь. »Братцы-товарищи! говорилъ онъ: ждать дальше нельзя. Мы подошли траншеями почти подъ самую крѣпость. Отступить теперь — срамъ, да и невозможно. У насъ подошли всѣ верблюды, перебита большая половина лошадей. Если отступимъ, то должны бросить жестокому непріятелю нашихъ раненыхъ, нашу артиллерію и наши обозы. На такое дѣло не пойдетъ русскій солдатъ. Знайте, что намъ только два выхода: побѣдить или умереть. Такъ побѣдимъ же, братцы, или съ честью ляжемъ здѣсь всѣ за Царя и нашу родину!.. Ура! Ура!«

— Побѣдимъ!.. У-р-р-р-а! У-р-р-р-а! кричали солдаты неудержимо, точно воспрянувъ отъ долгаго сна.

Призывный кличъ полководца поднимаетъ духъ подчиненныхъ: воинъ какъ бы вырастаетъ; онъ предчувствуетъ, что будетъ праздновать побѣду. И смерть ему не кажется страшной: приди она сейчасъ, онъ встрѣтитъ ее спокойно, даже радостно, если только знаетъ, что его товарищи тамъ, гдѣ-нибудь наверху, водружаютъ знамя побѣды... И только въ ночной тишинѣ, на-

канунѣ битвы, солдатъ вспомнить свою далекую родину, покинутую имъ семью — отца, мать, братьевъ, сестеръ. Онъ мысленно благословить своихъ дѣтей, если они у него есть, затѣмъ начнетъ точить штыкъ или пашку; послѣ всего вынетъ чистую рубаху и, одѣвшись въ бой, точно на праздникъ, станетъ прислушиваться, не слышать ли команды: »вставай! Становись къ расчету!« Онъ теперь весь принадлежитъ Государю, пославшему

Видъ обвала.

его исполнить свой долгъ... Такъ провели ночь и войска текинскаго отряда наканунѣ кроваваго штурма.

Въ три часа утра войска начали расходиться по своимъ мѣстамъ. Текинцы замѣтили это передвиженіе и участвовали пальбу. Въ 10¹/₂ часовъ дали знать генералу, что мина готова.

Отрядъ Куропаткина уже весь въ сборѣ; онъ ждетъ только взрыва и готовъ кинуться по этому сигналу.

Тамъ, на лѣвомъ флангѣ, брешь-батарея съ остервенѣніемъ рветъ землю, уширяя брешь для колонны Козелкова. Она также на лицо, скрытая въ траншеяхъ.

— Поручикъ Чернякъ, крикнулъ завѣдующій работами, глядя на часы: — приготовьтесь! Тридцать секундъ осталось ждать...

Поручикъ Чернякъ держитъ въ рукахъ концы проволоки.

— Взрывайте!

Текинцы ничего не подозрѣвали: на стѣнѣ, противъ этого мѣста, у нихъ было тихо... Прошло нѣсколько секундъ, пока Чернякъ соединилъ проволоки.

Черная густая туча съ легкимъ шумомъ поднялась вверхъ надъ стѣной; дрогнула земля, и раздался подземный гулъ; большія глыбы съ грохотомъ, какъ каменный фонтанъ, посыпались на землю. Грозное »ура!« пронеслось отъ праваго фланга до лѣваго, а черезъ минуту штурмовой батальонъ уже лѣзъ на свѣжій обвалъ, покрытый густымъ облакомъ пыли.

Текинцы сначала ошалѣли отъ взрыва; имъ въ первый разъ пришлось видѣть или, лучше сказать, испытать это страшное средство. Однако они скоро оправались и схватились за ружья; самые удалые бросились въ пашки на встрѣчу ширванцамъ. Они поняли, что на этомъ бугрѣ изрытой земли рѣшается ихъ судьба. Но въ это время особая охотничья команда уже успѣла подняться по лѣстницамъ правѣе обвала; она наступала съ боку, стройно, грозно, съ опущенными штыками. Ширванцы развернули свое знамя... — »Турдовъ сюда подавай! орудіе, орудіе сюда!« кричали солдаты сверху. Саперы протискались впередъ, расчистили въѣздъ для орудія, поставили, какъ первое прикрытіе, туры и набросали мѣшковъ съ землей. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Артиллеристы потащили туда пушки. Какъ только ихъ поставили, обвалъ считался занятымъ; защитники, незнакомые съ правилами осадной войны, не позаботились заранѣе приготовить сильные резервы... Съ высоты свѣжаго обвала наши увидѣли внутренность крѣпости. За стѣной тянулся небольшой внутрен-

нѣй ровъ, а за нимъ цѣлое море кибитокъ и врытыхъ землянокъ, одна возлѣ другой. Между кибитками шла кривая, но широкая улица къ холму, о которомъ упомянуто раньше. Между дальними кибитками тѣснились въ яркихъ халатахъ толпы текинцевъ, ихъ испуганные семьи, бараны, телята. Перекатная трескотня ружей, взрывы лопавшихся гранатъ, замиравшіе крики текинцевъ, вопли женщинъ и побѣдные возгласы русскихъ солдатъ — вотъ что представляла изъ себя въ тѣ минуты крѣпость, окутанная густымъ дымомъ, пропитанная гарью, съ противнымъ запахомъ тлѣвшаго войлока. — Наконецъ отрядъ Куропаткина сталъ спускаться внизъ и пошелъ дальше, пролагая путь къ кургану подъ музыку, съ барабаннымъ боемъ.

Такъ же успѣшно было занятіе бреши или обвала, сдѣланнаго артиллеріей. Поручикъ Поповъ первымъ поднялся наверхъ, но раненый скатился внизъ. Текинцы громко кричали: »Алла! Магома!« размахивали пашками, кололи длинными пиками, швыряли камнями... Потребовалась помощь. Генераль самъ хотѣлъ вести 3-й батальонъ Апшеронскаго полка, но его не допустили. Батальонъ повелъ сѣдой кавказецъ, подполковникъ Поповъ. Одинъ изъ его сыновей скончался отъ раны прежде, теперь мимо старика провели подъ руки другого сына. Обнялъ его сѣдой воинъ и бодро пошелъ дальше. Подавленные силой, текинцы кидались въ разныя стороны, то къ обвалу, то къ бреши; бросались въ надеждѣ удержать русскихъ, но все было тщетно: они наступали теперь сомкнутымъ строемъ, сломить который могли только такія-же стройныя части. Текинцы бѣжали толпами въ разныя стороны; вся окрестность покрылась бѣглецами, за которыми рысали на своихъ изнуренныхъ лошадакахъ драгуны и казаки. Только самые отважные бойцы еще продолжали собираться въ кучки вокругъ своихъ батарей и знаменосцевъ. Для этихъ свобода была дороже жизни, и всѣ они погибли смертью храбрыхъ.

Толстая высокая стѣна, 2¹/₂ саж. вверхъ и 5 саж. толщины, окружала кусокъ голой земли, величиною приблизительно въ сто десятинъ. Текинцы такъ были увѣрены

въ силѣ крѣпости, что собрали здѣсь всѣ свои семьи, часть скота, весь домашній скарбъ и богатства. Много накопили они золота и серебра, добытаго наѣздами въ Хиву, Бухару или же на персидскую границу: все это было скрыто въ крѣпости. Въ каждой кибиткѣ солдаты находили большіе расшитые мѣшки съ мукой или зерномъ, женскія прялки, лопаты, чугунные котлы и таганы, овчины, кожи, превосходные ковры, шелковые халаты, женскіе уборы изъ серебра и бирюзы, сердоликовъ, коралловъ или разныхъ монетъ. Мѣшки съ деньгами текинцы припрятали въ землю незадолго до штурма. Почти возлѣ каждой кибитки блеяли бараны, мычали телята. Солдаты получили разрѣшеніе брать, что хотятъ, кромѣ фуража и хлѣба: то и другое должно было поступить въ казенные склады.

Чѣмъ ближе подвигались войска къ кургану, тѣмъ тѣснѣе и тѣснѣе стояли кибитки. По временамъ оттуда раздавались одиночные выстрѣлы послѣднихъ защитниковъ. Солдаты, разбившись на кучки, разыскивали виновныхъ, при чемъ вышвыривали разноцвѣтные ковры, связки дорогаго шелку, посуду или тяжелые мѣшки съ зерномъ. Они были озлоблены противъ текинцевъ, что всегда бываетъ послѣ долгой осады или упорной обороны. Блѣдныя, заплаканныя текинки съ кучами дѣтей метались въ разныя стороны, не зная, гдѣ пріютиться. Онѣ бросались на колѣни, жалобно взывая къ офицерамъ: »аманъ ага! Аманъ ага!« (пощади, господинъ). — Конечно, ихъ не трогали.

Вотъ, наконецъ, и высокій курганъ, »Денгиль тепе«, на вершинѣ котораго ханы держали совѣты; его крутые бока служили кладбищемъ, что обозначалось множествомъ могилокъ съ воткнутыми флажками изъ цвѣтныхъ лоскутьевъ и четокъ. Въ 3 ч. пополудни на вершинѣ холма былъ торжественно водруженъ императорскій штандартъ: осѣняемая имъ крѣпость присоединялась навсегда къ русской державѣ. — Въ тотъ же день небольшіе русскіе отряды выступили дальше въ степь, для занятія менѣе важныхъ и послѣднихъ убѣжищъ текинскаго народа. Они сдавались безъ сопротивленія.

Въ недавней борьбѣ текинцы потеряли своихъ храбрѣйшихъ батырей, истощили запасы пороха, лишились оружія, а, между прочимъ, наступало время посѣвовъ. Ждать помощи они не могли, потому что друзей не имѣли, наживая до сихъ поръ лишь враговъ. Оставалось одно: смириться. Такъ они и сдѣлали. Даже муллы, — эти главные зачинщики, — пустили въ народѣ молву, что русскимъ присуждено теперь Аллахомъ завоевать на время весь край. Они говорили, что послѣ овладѣнія »неприступной и Богомъ хранимой крѣпости« ничто не можетъ остановить солдатъ Бѣлаго Царя. Но настанетъ время, когда, во имя пророка, сплотятся всѣ туркмены и выгонятъ гяуровъ изъ святой земли... Такъ говорили муллы, а сбудется ли ихъ предсказаніе, одному Богу извѣстно. Пока же народы Средней Азіи, живя въ мирѣ и довольствѣ, благословляютъ кроткую, сильную и въ то же время справедливую державу Бѣлаго Царя.

К. К. Абаза.

